

Дмитрий Слюсаренко – НМ: «Каждый год в результате домашнего насилия в Молдове погибает не менее 50 женщин»

Дело Виктории Прутяну, которую суд приговорил к четырем годам тюрьмы за убийство мужа, вызвало широкий резонанс в обществе. Через два дня после приговора министр сообщил о переводе осужденной, воспитывающей пятерых детей, под домашний арест. Адвокаты Прутяну из ассоциации Promo-LEX утверждают, что муж постоянно избивал ее и убийство было совершено в целях самообороны. Корреспондент НМ Марина ШУПАК поговорила с адвокатом Promo-LEX Дмитрием СЛЮСАРЕНКО о том, почему в Молдове распространено домашнее насилие и как обычно реагируют на это власти.

«В день выдачи ордера он пришел и избил ее»

Почему через два дня после приговора суд изменил меру пресечения для Виктории Прутяну?

Суд перевел Прутяну под домашний арест, рассмотрев ходатайство госадвоката, который сослался на состояние здоровья осужденной. Адвокаты Promo-LEX также ходатайствовали об освобождении Прутяну из-под стражи, но на основании отсутствия решения суда о ее аресте до вынесения окончательного приговора – либо Апелляционной палатой, либо Высшей судебной палатой. Отсутствие такого судебного решения нарушает Европейскую конвенцию по правам человека. Но суд Страшен ограничился рассмотрением жалобы госадвоката.

Хочу отметить, что адвокаты Promo-LEX представляют интересы Виктории в этом деле с лета 2015 года, до этого у нее был только государственный адвокат. Promo-LEX кроме того обжаловал

в Апелляционной палате (АП) сам приговор.

На чем основано ваше ходатайство о пересмотре приговора?

Мы настаиваем на том, что это была самозащита. Есть показания свидетелей. О самозащите говорят и факты, зафиксированные до убийства. Виктория не раз подвергалась домашнему насилию со стороны мужа, обращалась по этому поводу в полицию. Суд неоднократно выдавал ордер о защите жертв домашнего насилия. Однако это не остановило насилие.

Что предполагает такой ордер?

Агрессор не имеет права приближаться к жертве, а также звонить ей или каким-то другим образом связываться и контактировать. Однако эти предписания часто остаются только на бумаге. Муж Прутяну их не соблюдал. А в день выдачи первого такого ордера он просто пришел и избил ее. В Молдове, к сожалению, нет эффективного механизма защиты жертв домашнего насилия, поэтому полиция не вмешивалась, чтобы как-то помочь Виктории Прутяну, хотя на ее попечении находятся пятеро детей – трое ее детей и две несовершеннолетние сестры.

Глава миюста Владимир Чеботарь назвал перевод Прутяну под домашний арест «нашей маленькой победой». Что вы по этому поводу думаете?

Были ли в вашей практике подобные случаи, когда женщина убивала мужа в целях самозащиты? Могу только сказать, что до реакции общества и СМИ миюст по этому поводу никак не высказывался, хотя дело Прутяну ведется уже давно. Именно поэтому о таких делах нужно говорить больше и громче.

В моей практике это первый случай. До этого в основном сталкивался с тем, что погибают жертвы домашнего насилия. По данным Proton-LEX, каждый год в Молдове не менее 50 женщин погибает в результате домашнего насилия.

«Муж Веры изрубил ее кухонным топором»

30 декабря прошлого года суд столичного сектора Центр приговорил к восьми годам тюрьмы Валерия Крецу за убийство жены. Вы представляли интересы жертвы. Расскажите о деле подробнее.

Дело Веры Крецу отличается от дела Виктории Прутяну тем, что здесь погибла сама жертва семейного насилия, а не агрессор. Вера жила в Кишиневе, ей было около 55 лет, она, как и Виктория, на протяжении долгих лет была жертвой домашнего насилия. Она выросла в детдома, у нее не было ни семьи, ни родственников, ни детей. Первый ее муж умер, второй муж ее убил. Вера рассказывала, что мужчина женился на ней только для того, чтобы заполучить ее квартиру, а она – чтобы не быть одной.

Обращалась ли Крецу в полицию?

Вера обращалась в полицию много раз. В материалах дела есть документы, в которых мужчина признан полицией домашним агрессором, есть планы профилактических работ, выписанные штрафы (то есть нарушения были квалифицированы административно). Сейчас домашнее насилие – это уголовно наказуемое преступление, предусмотренное статьей 201 УК. Но в 2010-2011 годах, когда муж Веры начал ее избивать, этой статьи в УК еще не было.

Почему не завели уголовное дело, когда эта статья УК появилась?

Это неизвестно. В 2013-2014 годах у органов правопорядка были уже все основания возбудить уголовное дело в отношении Валерия Крецу, который к тому же был ранее судим и на тот момент отбывал условное наказание. Однако дело не возбудили. В какой-то момент женщина перестала обращаться в полицию, потому что побои после этого усиливались. Полицию стали вызывать соседи, они же давали показания в суде. Максимум, что делал участковый полицейский – выливал спиртное Валерия Крецу и вел с ним беседы.

Когда вы стали представлять интересы Веры Крецу?

В январе 2014 года Вера связалась со мной, попросив помочь в бракоразводном процессе. Я подготовил документы, но Вера мне не сказала, что муж ее избивает. Наверное, стыдилась этого. Буквально через пару дней мне позвонила ее соседка и сообщила, что муж Веры изрубил ее кухонным топором, нанеся несколько ударов в голову в голову. После этого восемь месяцев Вера была полностью парализована, периодически впадала в кому, с трудом говорила. Это были восемь месяцев боли и страдания. Меня к тому времени уже вызывали в суд как адвоката по уголовному делу, возбужденному в отношении мужа Веры. Ей изначально назначили госадвоката, который ничего не делал, и соседи Веры попросили меня представлять ее интересы в суде.

Как проходило следствие?

Прокурор Николай Гурев в ходе следственных мероприятий ни разу не пришел в больницу к Вере, чтобы взять ее показания. Я общался с Верой, видел ее состояние, это были нереальные муки. Вера говорила невнятно из-за того, что ее парализовало, больше просто кивала, но отдавала себе отчет в том, что происходит. Уже в суде, когда Веры не стало, Гурев мотивировал свое бездействие тем, что здоровье Веры все равно не позволяло ей давать показания.

Но показания Веры у вас все-таки есть?

Да, перед смертью женщины я вместе с ее соседями записал все, что она рассказала о случившемся. Вера прочла и подписала показания, но этот документ в суде не приняли. Судья Адела Андроник сказала, что такое заявления имел право взять только прокурор. В сентябре Вера умерла. В декабре ее мужа осудили на восемь лет.

То, что было с Верой – это хуже смерти. Она не сразу умерла, она восемь месяцев страдала. До этого она еще несколько лет страдала от побоев. И за все это лишь восемь лет, из которых два года он почти отсидел (именно столько длился суд). Еще

через два года его, быть может, за хорошее поведение отпустят. Получается, он будет сидеть всего четыре года за то, что зверски зарубил топором жену.

Какого наказания просила защита?

Я просил о максимальном сроке по этой статье – 15 лет тюрьмы. За какое еще преступление надо давать максимальный срок? Когда жену будут резать на мелкие куски? Прокурор Лилия Шаповалова, сменившая в деле прокурора Гурева, требовала 13 лет. Это было ближе к справедливому наказанию, но никак не восемь лет.

Чем суд мотивировал более мягкое наказание?

Из решения суда я этого не понял. В решении говорится что-то о стечении обстоятельств, о якобы «аморальном поведении» Веры, что суд посчитал отягчающими обстоятельствами. Однако, в чем именно заключалось ее аморальное поведение, суд не уточнил.

«Молдова проиграла не одно такое дело в ЕСПЧ из-за плохого расследования»

Можно ли привлечь к ответственности полицейских, которые в ситуации с Верой Крецу фактически бездействовали?

Это очень сложно, но мы будем этим заниматься. Если мы сможем доказать, что Вера скончалась из-за того, что не было эффективного расследования ее жалоб, то сможем подать жалобу против полиции. Доказательной основой такой жалобы может быть решение ЕСПЧ. Молдова, кстати, уже четыре или пять дел проиграла из-за неэффективного расследования случаев домашнего насилия.

Какое наказание может грозить полицейским?

Только административное. Для возбуждения уголовного дела должно быть наличие умысла, а у полицейских просто нет должной подготовки и практики по оказанию помощи жертвам домашнего насилия. Полицейский действовал по инструкции: приходил, когда его вызывали, проводил беседы. Но эффекта от этого никакого.

Нужны другие механизмы действия полиции в таких делах, тем более что в большинстве случаев истории домашнего насилия делятся годами.

«Их семилетняя дочь все видела»

Как вы помогаете жертвам домашнего насилия, учитывая, что действия полиции малоэффективны?

Приведу в пример дело молодой женщины из Гидигича. Сожитель, с которым у них была общая дочь, постоянно ее избивал. Год назад он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вновь избил ее, затем бил головой об асфальт, а после собирался переехать ее на машине. При этом на заднем сиденье автомобиле сидела их семилетняя дочь. В последний момент агрессор пришел в себя.

Мы написали множество заявлений во все компетентные органы и добились того, что суд выдал защитный ордер в отношении женщины и дочери и лишил агрессора родительских прав. Он теперь живет отдельно, но не сдаётся: пишет жалобы и угрожает – и женщине, и нам.

На какой стадии находится разбирательство по этому случаю?

Мы написали несколько заявлений в полицию с просьбой о заведении уголовного дела, однако дело заводить не хотят. В полиции говорят, что нет оснований, хотя мы представили записи звонков с угрозами, где мужчина говорит о том, что знает, где она живет, что хочет ее убить и забрать дочь.

Спустя нескольких месяцев, правда, мужчине выписали штраф за нарушение ордера. Но он продолжает нарушать предписания, угрожать. На наши просьбы о заведении дела полиция по-прежнему отвечает отказом. При этом мы продолжаем бороться, все написанные нами заявления трудно подсчитать, а адвокаты в регионах обычно опускают руки после первого отказа.

Как обычно рассматриваются жалобы о семейном насилии в регионах?

В каждом населенном пункте существуют комиссии, которые занимаются делами о домашнем насилии. В их составе пять-шесть человек: местный врач, участковый, социальный работник, преподаватель. Обычно такие комиссии принимают решения о необходимости примирения мужа с женой. И все. Promo-LEX сейчас занимается делом о домашнем насилии, где муж избивал жену в течение пяти лет. Подобная комиссия также решила, что им стоит просто помириться. Однако насилие в таких семьях, если нет серьезной реакции властей, из года в год нарастает, и все может закончиться трагично, как с Верой Крецу.

При этом, думаю, большая часть случаев домашнего насилия остается скрытой от общества. Жертвы предпочитают умалчивать об этом, стыдятся.

«Законопроект несколько лет гуляет из одного ведомства в другое»

Распространение домашнего насилия в Молдове – это результат пробелов в законодательстве, неэффективности действий властей или сложившейся печальной традиции?

И то, и другое, и третье. Если бы у органов правопорядка было желание, они могли бы вмешиваться и предотвращать трагедии и на основе действующего законодательства. Вместо этого они зачастую квалифицируют насилие как семейный конфликт и предлагают супругам помириться. К сожалению, для большей части наших судей, прокуроров и полицейских домашнее насилие – это просто семейная ссора.

Что по факту могут сделать правоохранительные органы, получив жалобу о домашнем насилии?

Все, что может сделать судья – это выписать ордер о защите жертвы домашнего насилия, а дальше участковый и социальный работник должны следить за тем, чтобы этот ордер не нарушался. На практике они вмешиваются, только когда жертва сама им звонит. Закон же должен четко прописывать, что им необходимо посещать жертву насилия регулярно и столь же регулярно

проводить профилактическую работу с агрессором с привлечением психолога. Закон также должен предусматривать заведение уголовного дела и арест агрессора на 15 суток в случае, если он нарушает предписания ордера.

Может, народному адвокату и парламентской комиссии по правам человека стоит выступить с законодательными инициативами на этот счет?

Вмешаться в законодательство нужно обязательно. Такой законопроект, разработанный министерством социальной защиты при участии Promo-LEX, уже зарегистрирован, но несколько лет гуляет из одного ведомства в другое. В этом законопроекте содержатся предложения из так называемой Стамбульской конвенции, где в том числе говорится, что полицейский может в тяжелых случаях вмешаться и выдать ордер о защите жертвы домашнего насилия без решения суда, то есть сразу расселить агрессора и жертву. Сейчас же жертва звонит в полицию, жалуется, полицейский приезжает на место и составляет протокол, если, конечно, вообще составляет. И уходит. Жертва и агрессор остаются наедине друг с другом. Что будет дальше? Не трудно догадаться – опять побои.

Почему законопроект несколько лет «гуляет»?

Наш законопроект был почему-то возвращен в госканцелярию, хотя прошлым летом мы активно над ним работали вместе с минюстом, все шло хорошо. Сейчас вернулись к тому, что ведомства должны снова дать свои заключения по проекту.

Кроме законопроекта Promo-LEX в последние годы отправила несколько заявлений в Высшую судебную палату (ВСП) с просьбой выдать рекомендации судам, чтобы такого рода дела рассматривались в соответствии с Европейской конвенцией, и главное – квалифицировались не как хулиганство или нарушение общественного порядка, а как домашнее насилие. ВСП с 2014 года обещает нам, что рассмотрит эти заявления, однако до сих пор так и не рассмотрела.

В последнее время в Молдове много говорят о гендерном неравенстве в высших эшелонах власти. Может, если в сфере юстиции будет больше женщин, принимающих решения, проблема семейного насилия будет решаться по-другому?

Иногда и мне так кажется. Но в делах Виктории Прутяну и Веры Крецу судьями были женщины. Мне неприятно об этом говорить, но ни одна из них не проявила особого сострадания или понимания. Думаю, в правовом поле речь идет больше о профессионализме и понимании сути преступления, а не о гендерном неравенстве.

Справка НМ

В 2015 году в Молдове было зарегистрировано 2040 правонарушений, совершенных в кругу семьи, из которых 36 убийств, 26 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, 35 изнасилований. 22 человека в результате нанесения тяжких телесных повреждений скончались. Жертвами домашнего насилия стали 1760 женщин и 280 мужчин. По данным Нацбюро статистики за 2007-2010 годы, шесть из десяти молдавских женщин хотя бы раз сталкивались с одной из форм семейного насилия: 34,9% из них – с физическим насилием, 54,3% – с психологическим и 19% – с сексуальным насилием со стороны мужа или партнера. В отчете Promo-LEX «Права человека в Молдове в 2015 году» говорится, что за первые девять месяцев 2014 года полиция выдала 696 ордеров о защите жертв домашнего насилия, 75 из них, по информации полиции, были нарушены.

Источник: Newsmaker.md